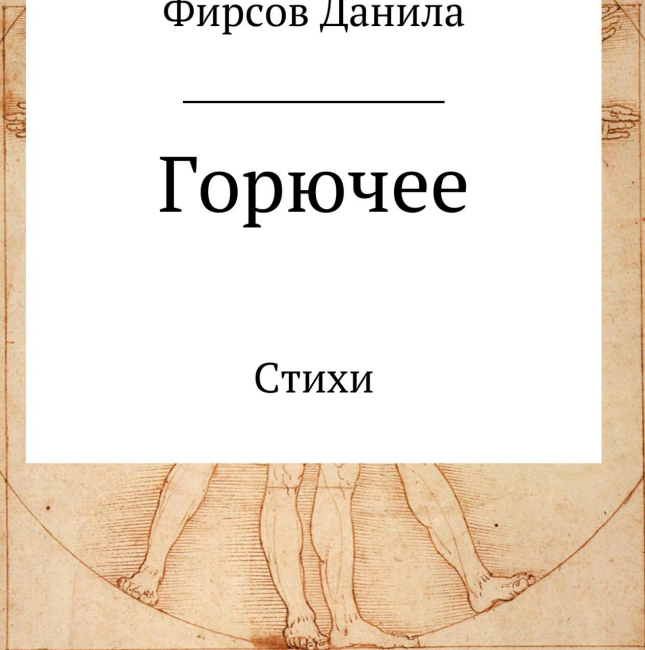

Handwritten text in Church Slavonic script at the top of the page, partially obscured by the white text box.

Фирсов Данила

Горючее

СТИХИ

Handwritten text in Church Slavonic script, located below the circular illustration.

Main body of handwritten text in Church Slavonic script at the bottom of the page.

Данила Игоревич Фирсов Горючее. Сборник стихотворений

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29829574
SelfPub; 2018*

Аннотация

Перед тобой сборник сложных и самобытных стихов. Внимательный читатель найдёт в нём переживания и размышления о многом: кто мы? кто вокруг нас? что вокруг? что мы хотим и можем изменить в мире? Не торопись отвечать. Прочти и подумай.

ОБРАТНЫЙ КАДР

[Play]

От зимы разило
каменным углём.
И я рос разиней,
только знал – умрём.

[«]

Мы с братом
ни в чём не нуждались.
Тем более брат:
он донашивал
МОИ
вещи.

Мать-и-мачеха
приглядывала за мной,
пока я был мальчиком.
Учила:
– «Не ной».

[»]

Никогда
не понимал раскраски.
Нельзя выходить
за границы.

Услышал
впервые о кракене.
Шептались взрослые вечером:
водоём на окраине
ест порой
человечину.

[»]

Ровесники,
кто не скололся,
выбились в люди
и рано спились.

Что внутри у лягушки?
Не доставало данных...
Оказалось, лишь липкая гуща
из лимфы и страданий.

[«]

Прочёл «Атлас
первобытного человека»
и понял:
местных австралопитеков
можно победить
только палкой.

Эй, парень!
Не говори с градирней,
не то ошпарит
тебя гордыней.

[»]

Пустырь,
обнесённый забором,
напоминал мне
тетрадь с полями.
Человек
посреди пустыря
– единицу.

Солнце смотрело косо
из здешнего сизо
на то, как в сбитых кроссах
бродил в любой сезон.

[»]

Хоровое пение
прогуливал,
чтобы не потерять
свой
голос.

Дряхлые дома,
где все вокруг в трико.
Там, стоило задремать,
становишься стариком.

[«]

Сильнее всего
на меня повлияло то,
что я упустил.

[Stop]

ПРОСТОРЕЧИЕ

* * *

Что с нами будет

подумай, взвесь.
От страха бубен
трясётся весь.

О, ты не плакса,
не сосунок,
но эта пляска
валит с ног.

Горланит ужас
из ниито,
что мы и в узком
кругу – никто.

И думать мерзко,
что всех порвёт
не бег на месте,
хоровод.

Но если ляжки
ещё сильны,
то мы не сляжем,
не станем ныть.

И будет сцапать
не просто нас,

лишь выдаст слабых
перепляс.

Пускай в остатке
немного – пшик,
забыв о страхе,
пляши, пляши.

* * *

Убийца президента
позавтракал до зари,
но солнце из-под брезента
присматривало за ним.

Ветер ворчал и только,
обыскивая квартал,
где, спрятавшись, винтовка
не открывала рта.

И дерево, будто бицепс,
двуглавое в окне
не верило – быть убийству
– до глубины корней.

* * *

Кладёт кофе в чашку,

а сахар – ложит.
От этого частность
становится ложью.

Отставив пустую
чашку, Превтер
молчание стула
берёт как пример.

И чтобы ни пелось
им дальше – старо.
Он курит и, пепел
стряхнув, встаёт.

Уходит, накинув
не польто, но плащ.
А ты, прочтя книгу
стихов, не плачь.

* * *

Не открывай жене,
ни дочери, того,
что должность "инженер"
– не корочки, тавро.

Что стоит обратить

в работу кутерьму,
не открывай, брат, ты
ни близким, никому.

Что справочник и есть
Писание твое,
не открывай, сосед,
тем более толпе.

* * *

Съешь ещё этих мягких
французских булок
да выпей чаю.
Здесь прохожего в марте
любой проулок
обдаст печалью.

Сколько будет калорий
в горячем хлебе?
Должно быть, много.
Мы обуты в калоши,
поскольку в небе
не ищем бога.

Временами трамваи
вспугнут посуду

и птицу в сквере.
Календарь отрывая,
о прошлом судим,
обычно, скверно.

Кипяток остывает,
подобно пыли
влюблённых, махом.
И поверхность статуй
покрыта пылью,
как булка – маком.

* * *

1

Смотрю из комнаты
на коридор,
где, весь искомканный,
спит лабрадор.

Мерцающая лампочка
глазам вредит.
Какая ласточка
ко мне влетит?

2

...

3

В квартире холодно.
Уже на треть
промёрз и хохотом
не отогреть.

В моей усталости,
тоске виню,
в окно уставившись
опять, весну.

4

...

5

Сегодня ветрено.
Я плохо спал.
Отправишь весточку,
в ответ лишь спам.

Тут злая лирика,
что выдал рот,
как изолиния,
ни в чём не врёт.

6

Кругом распутица.
Чего глядеть?
Увязла спутница
не знаю где.

Нажим ненастливой
поры упряма
и все несчастливы
по пустякам.

7

...

8

Собака ластится.
Сержусь за то,
что местность ластиком

туман затёр.

Теперь из комнаты
не улизнуть,
пока оскомину
не сменит зуд.

9

...

10

И вновь печальная
погода, брат!
Слова печатные
не подобрать.

Пора, по-моему,
поскольку вник
в весну, поморщившись,
прервать дневник.

* * *

Бабочка ли,
оса,

влипшая в паутину.
Чёрная полоса
прерывает рутину.

В комнате голоса.
Это и есть опала.
Бабочка ли,
оса,
ты, почитай,
пропала.

Бабочка ли,
комар,
рассуди объективно:
персональный кошмар
требует объектива.

Бабочка ли,
пчела,
здесь бесполезно жало.
Этого не учла,
но всё равно жужжала.

Бабочка ли,
оса,
вырвавшись из околка,

ты теперь – волоса,
схваченные заколкой.

Толку на образа,
если беда, коситься?
Бабочка,
стрекоза,
мир твой трещит как ситец.

Вспомни каких кровей
ты, пренебрёгши ростом.
Бабочка,
муравей,
не прекращай бороться!

Чувствуешь близкий ток
небытия?
Послушай,
бабочка или кто
ты?

Подходящий случай!

* * *

Затерялся звездолёт,
взмыв над койкой.

Только образ не даёт
спать спокойно.

Запустили храбреца
точно к Марсу.
Баю-бай, не жди отца,
мальчик.

Добираться далеко:
вёрсты, мили.
Так что может молоко
скиснуть, милый.

Убедишься, выбрав путь
тот, что Млечный:
человек не лилипут,
меньше!

Баю-бай, скребётсямышь.
Холод лютый.
Положу тебя, малыш,
лучше в люльку,
чтобы с детства привыкал
к перегрузкам,
засыпая под вокал

грустный.

Обнаружить вне людей
разум сложно.

Баю-баю, овладей
прежде ложкой.

Изыскать в земной коре
проще радий.

Баю-бай, усни скорей,
радость.

Говорить с тобой, дитя,
помня мужа,
нелегко. Гремит деталь
погремушкой.

Хорошо другому: рожь
сеет, свёклу.

Баю-бай, не ты ревьешь,
сопла.

Баю-бай, зарылся чиж
в ворох копий,
и челнок не различишь
в телескопе.

* * *

Осенью ночь темней,
чем гардероб раввина,
суммы простых теней,
и, облысев, равнина,
где коротаем век
между вещей и моли,
мутную лимфу рек
переливает в море.

Шорох сухой листвы,
кроме всего источник
беглой тоски, увы,
лишь подтверждает точку
зрения, что и я
стану трухой, морфемой
прошлого, чуть звеня
в пасмурной атмосфере.

Время, чей эпилог,
как говорят, способен
в кровь подмешать песок,
переместить особу
в небытие, бежит,
рукопись огибая,

чтобы слепую жизнь
заполучить в гербарий.

В старом шкафу пальто,
будто бы за кулисой,
слыша тревожный тон
речи, опавших листьев
аплодисменты, ждёт
выхода на большую
сцену, но каждый год
роль уступает шубе.

Твой обалделый ум
пьесу не прочь испортить
ту, где надев костюм,
смерть застаёт в исподнем
нас (вообще в любом
виде), не вытирая
ног, проникает в дом,
чтобы прервать тираду.

Слякоть, живая слизь
неба, попали в миксер
осени, где слились
в целое, стали мыслью
о пустоте, хандрой,

важным штрихом к разлуке,
что сокращает дробь
дружбы в уме, без звука.

Пасмурный горизонт,
кажется, означает
брызги, раскрытый зонт,
и перемены в чартах
не ожидаешь, но
местность, сменив осадки,
утром стучит в окно
снегом и катит санки.

* * *

Неуютной зимы
безобразная ткань,
будто верхнее ми,
беспокоит гортань.

Городок не узнать:
как сплошной макияж,
вся её белизна
маскирует пейзаж.

Рукавицы и шаль
– атрибуты того,

что неправилен шар,
в дефиците тепло.

Видишь снежную тлю,
облепившую весь
горизонт, и к нулю
безразличную вещь.

Эти перья, тряпье,
хочешь, преобразуй
в утеплитель, жильё,
и зимуй, как грызун.

Чепуху отложив,
поразмысли над тем,
что для космоса жизнь
– генетический мем.

Эта местность, старик,
помнит многое, и
лишь смешат материк
все догадки твои.

Монитор обесточь.

Как придаток зимы,

беспросветная ночь
произносит: «Замри!»

* * *

Сухое дерево.

Едва
ли дышит.

В пору
пустить беднягу на дрова,
лишить опоры.

Пила, приятель, не сулит
добра, и косо
взирает сверху сателлит,
ворвавшись в космос.

Возможно, время привело
к поломке корня,
коры.

Сегодня замело
простор попкорном.

Ствол долго креп.

Дышал и лез
(сильнее в среду)
из-под земли: деликатес
для короёда.

Теперь он удручает глаз,
сердито сучья
топорща.
Углекислый газ
ему наскучил.

Сводя к простой величине
весь лес дремучий,
я говорю:
"Послужишь мне
зимой горючим".